

О научном наследии Дмитрия Лихачева

Празднуя в этом году 100-летний юбилей академика Д. Лихачева, отечественная интеллектуальная элита — научная и творческая, — на мой взгляд, до сих пор недостаточно ясно сформулировала для себя смысл происходящего. По крайней мере, в “дежурных” юбилейных мероприятиях — статьях, публикациях, теле- и радиопередачах — уникальность события не обозначается никак. А между тем даже для “ленивой и нелюбопытной”, по словам Пушкина, российской общественной мысли должно быть заметно, что произошло нечто небывалое.

Заметим, что до сих пор не только в массовом сознании, но и в восприятии научных кругов академик Лихачев фигурирует исключительно как филолог-литературовед, исследователь древнерусской словесности, главный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Разумеется, Д. Лихачев — блистательный филолог-“древник”, его заслуги в деле изучения и популяризации этой области нашей словесности велики. Но будучи звездой первой величины в плеяде ученых, посвятивших себя изучению наследия Древней Руси, он отнюдь не затмевает собой другие светила.

Для того чтобы это понять, достаточно совершить даже самый беглый экскурс в историю данной области науки, зафиксированную в знаменитой серии “Трудов отдела древнерусской литературы”. Отдел древнерусской литературы в Пушкинском Доме был создан в 1933 году (тогда, впрочем, он был сектором) стараниями академика А. Орлова. В 1947 году его возглавила член-корреспондент АН СССР В. Адрианова-Перетц, которая и пригласила Лихачева в Институт русской литературы, а потом передала ему руководство сектором. То есть, когда Лихачев возглавил это подразделение Пушкинского Дома, там уже были свои традиции. Огромная и бесценная для науки работа по собиранию и систематизации древнерусских источников была проведена В. Малышевым, который ездил в экспедиции по русскому Северу и собрал множество древнерусских памятников для хранилища Пушкинского Дома.

А если заглянуть в прошлое дальше — то мы увидим несколько замечательных поколений выдающихся собирателей, подобных тому же А. Мусину-Пушкину (о котором, благодаря открытию “Слова о полку Игореве”, знает каждый школьник) и его сподвижникам, тонким знатокам древнерусских рукописей А. Малиновскому и Н. Бантыш-Каменскому. В XIX веке изучение наследия Древней Руси связано с целым рядом деятелей науки и культуры, среди которых — безусловные национальные лидеры, властители дум своей поры — от В. Жуковского и Н. Карамзина до А. Потебни и Ф. Буслаева.

Великая заслуга Дмитрия Лихачева в том, что он сумел систематизировать весь ранее накопленный материал и поднять изучение древнерусской литературы на совершенно новый — современный — научный уровень. Но говорить о некоей исключительной его роли в данном направлении развития отечественной научной мысли нельзя. Людям, лично знавшим Дмитрия Сергеевича, понятно, что сам Лихачев был бы, мягко говоря, огорчен предположением, что благодарные потомки — пусть даже из самых лучших побуждений — станут вдруг осуществлять некие действия, в результате которых его имя сможет оказаться противопоставленным именам В. Жуковского и А. Потебни. Между тем нынешняя исключительная общественная востребованность Лихачева создает у части филологов иллюзию именно такого противопоставления. Не случайно в прессе уже появляются ерничания, что, мол, Лихачев — средний ученый. В психологическом плане

такие выпады показательны. Это своеобразная реакция на недопонятое внимание к личности академика.

Страна отмечает выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича в развитие “гуманитарных наук, культуры и образования”, а не “вклад в развитие литературоведения”, или, тем более, “вклад в изучение древнерусской литературы”. Эта сторона его деятельности, разумеется, подразумевается под “гуманитарными науками” в числе других, но и только. Показательно, к примеру, что академик А. Гусейнов недавно обратил внимание на философскую составляющую работ Дмитрия Лихачева, писатель Д. Гранин — на заслуги Лихачева-историка. Мне же представляется особенно важным все сделанное Дмитрием Сергеевичем для изучения культуры...

Анализ трудов академика Лихачева в широком контексте гуманитарных наук позволяет констатировать следующую логику происходящего. После краха Советского Союза, времен смуты и тяжелейшего периода деградации государства и общества наступило время собирать, спланировать нацию, поднимать ее с колен. В таком деле без точно выбранных точек опоры не обойтись. Оказывается, что обращение к трудам Д. Лихачева дает одну из таких точек. В этой связи актуализируется в первую очередь та часть лихачевского наследия, которая предопределила его активную общественную позицию, его неповторимый общественно-политический облик духовного лидера русской интеллигенции в трагически-яркий, переломный момент истории нашего Отечества.

А это преимущественно его работы о культуре. С позиций современного знания можно сказать, что рядом с Лихачевым-филологом в конце минувшего столетия встала фигура Лихачева-культуролога, не менее значительная и не менее масштабная. Академик Лихачев — выдающийся, великий культуролог XX века. Анализ его работ позволяет сделать вывод, что активная гражданская позиция Лихачева была практическим выражением его культурологической концепции, — **и в этом радикальное отличие академика от большинства его союзников по демократическому движению конца 80-х — начала 90-х годов.** Те, большей частью, лишь озвучивали чужие тезисы и лозунги. На весах истории их риторика и они сами оказались “легкими весьма”, и нынешний молодой россиянин, видя их имена в документах того (не столь, кстати, далекого) времени, может только повторить вслед за Пушкиным:

Сколько их! куда их гонят?

Что так жалобно поют?

И тот же молодой россиянин благоговейно открывает сейчас очередные издания лихачевских трудов.

Интересно, что даже и сейчас некоторые коллеги Лихачева по филологическому цеху настаивают, что профессией академика было исключительно литературоведение, а его работы о культуре — некое “хобби”, которое не следует особенно принимать всерьез. Можно, конечно, вспомнить знаменитое изречение Козьмы Прутков: “Специалист подобен флюсу”, — профессиональная цеховая ограниченность нередко идет в науке рука об руку с неплохими исследованиями частных, локальных явлений. Но дело не только в этом. **Попытки дезавуировать Лихачева-культуролога есть попытки опровергнуть очевидное. Тем более они заслуживают осмысления.**

В “Заметках к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века” Лихачев пишет, что в “городах существуют районы наибольшей творческой активности”, “места деятельности, куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой откровенности, где можно быть в своей среде”¹. Судьба распорядилась так, что в последнее десятилетие жизни таким местом для Лихачева

становится Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Именно эти годы прошли для Лихачева “под знаком культурологии”, и в Университете он нашел единомышленников, нашел “свою среду”. В 1993 году Лихачев стал первым доктором *honoris causa* СПбГУП (кстати, это была его первая и единственная “русская мантия”), и с этого момента Университет для него — второе родное место после Пушкинского Дома (ИРЛИ).

Летом 1995 года Дмитрий Сергеевич познакомил меня и моих коллег со своей идеей разработки проекта Декларации прав культуры. По мысли Лихачева, современный этап развития цивилизации породил необходимость официального принятия международным сообществом, правительствами государств ряда принципов и положений, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как общего достояния всего человечества. Текст этой Декларации, которую я считаю важнейшим научным и нравственным завещанием академика Лихачева, был создан им в сотрудничестве с нами. Каждый раз Дмитрий Сергеевич приезжал на наши встречи заранее и терпеливо, безмолвно сидел, ждал начала, опираясь на трость. Научная дискуссия могла длиться два-три часа, и он нередко сидел все это время молча, слушал. Затем брал слово и тихо говорил две-три минуты. Но сказанное им потрясло.

Не забуду, как однажды он заявил, что сознание определяет бытие. До этого десятки лет марксисты твердили обратное: что бытие определяет сознание. А Лихачев вдруг сообщил нам, что, по его мнению, будущее не определено никакими объективными законами общественного развития, что оно будет таким, каким мы его сделаем сами. Зал, где все это происходило, был битком набит, и все слушали его, затаив дыхание. До сих пор помню, как у меня от его слов вдруг мороз прошел по коже. Они были абсолютно созвучны моей внутренней позиции человека, в 37 лет взявшегося реформировать вуз, причем в совершенно отчаянных условиях. Но Лихачев так четко, просто и ясно выразил мою философию...

С легкой руки Лихачева в Университете стали проводиться ежегодные Международные научные чтения по гуманитарным проблемам, приуроченные к Дням славянской письменности и культуры (теперь — Лихачевские чтения). В 1995 году, прямо на университетской площади, в День знаний 1 сентября Лихачев, стоя перед людским морем в своей черной университетской академической мантии, зачитывал проект преамбулы Декларации: “Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла...”

Для меня, как для непосредственного участника всех лихачевских начинаний в СПбГУП, несомненно, что в конце XX века и в жизни, и в творчестве Дмитрия Сергеевича наш Университет сыграл особую роль. **В Пушкинском Доме он работал как филолог, а у нас проявился как выдающийся культуролог.** Готовясь к 100-летию своего первого Почетного доктора, Университет выпустил две книги. В одну из них мы собрали университетские работы и выступления Д. Лихачева, в другую — наиболее значительные публикации академика о культуре в предыдущий, доуниверситетский период. Нужно сказать, что, в отличие от филологических работ Лихачева, его культурологические труды под одной обложкой до этого не публиковались. Между тем в культурологических сборниках Лихачев предстает как один из крупнейших мыслителей XX века.

Приведу только один пример, поразивший меня уже как читателя “образца 2006 года”. С середины 90-х годов Лихачев дает **свое видение** глобализации как современного процесса взаимодействия культур в мировом масштабе, **движимого в первую очередь не экономическими, а именно культурными интересами человечества.** В Декларации эта концепция сформулирована им достаточно ясно. По Лихачеву, глобализацию надо не “принимать” или “не принимать”, **ею можно и нужно управлять**, добиваясь положительных результатов для всех, **ее надо осуществлять** не для “золотого миллиарда”

жителей отдельных стран, а для всего человечества. Человечеством должна быть выстроена концепция **глобализации как гармоничного процесса мирового культурного развития**. Понимание же глобализации только как экспансии мировых корпораций, перетока кадров и сырьевых ресурсов и т.д. не просто неверно, но и вредно, поскольку практически такое понимание парализует творческую волю человечества перед “стихийной” историей. Собственно, лихачевская Декларация и была попыткой (в 1995 году!) сформировать активное отношение к глобализации, создать механизм управления ею на уровне интернационального законодательства, на уровне ООН.

О силе предвидения Лихачева-культуролога я подумал впервые в 2004 году, когда увидел на телеэкране растерянное лицо М. Пиотровского, который умолял, заклинал (кого? на каком основании?!) не бомбить музей в Вавилоне, пощадить эту бесценную сокровищницу. Слова его бессильно “летели в пустоту” (музей был, как известно, не только разгромлен, но и разграблен). Ставя в Декларации вопрос о международных гарантиях сохранности культурных ценностей, Дмитрий Сергеевич как будто предвидел варварские бомбардировки Соединенными Штатами Ирака, уничтожившие величайшие памятники древней культуры. Тогда, в относительно благополучном мировом сообществе середины 1990-х годов, подобное никому не представлялось возможным...

Говоря о Лихачеве-культурологе, мне хочется особо подчеркнуть, что **противопоставлять филологические и культурологические исследования Лихачева было бы неправильно. Литературоведческая и культурологическая рефлексии в современном научном мышлении не противостоят друг другу, а являются параллельными, взаимно полезными познавательными процессами**. Вспомним, что одним из “моментов самоопределения” современного литературоведения стала статья Б. Эйхенбаума 1918 года, которая носила знаменательное название “Как сделана “Шинель””. С этого момента — стараниями знаменитой ленинградской филологической группы ОПОЯЗ, считавшей эйхенбаумовскую статью своим манифестом, — главным и единственным средоточием собственно литературоведческой научной мысли стал текст художественного произведения. Все остальные аспекты литературоведения должны были отныне выявлять свои задачи и методы, сообразуясь с их участием в анализе художественного текста. Так были впервые научно обоснованы границы литературоведения как науки. Но именно когда эти границы были научно обоснованы, вдруг стало ясно, что **многие великие русские литературоведы — прежде всего, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев — в эти границы не укладываются**.

Дело в том, что их интересовало не только — если использовать заглавие-формулу Б. Эйхенбаума — “как сделана “Шинель””, но и “почему “Шинель” сделана именно так?”. Попытка ответить на второй вопрос заставляла их сопоставлять ту же “Шинель” с другими явлениями культурной жизни России, видеть в литературном художественном тексте не “самоцель” своих размышлений, а лишь явление культуры в ряду других явлений культуры, далеко не ограниченных сферой литературы вообще. В XIX веке, не зная современной классификации гуманитарных наук, это методологическое противоречие воплотилось в спор сторонников “чистого искусства” и сторонников “искусства для жизни”. Все мы имеем представление об этом споре благодаря вошедшему в школьные хрестоматии отрывку из “Железной дороги” Некрасова:

Вы извините мне смех этот дерзкий,

Логика ваша немножко дика.

Или для вас Аполлон Бельведерский

Хуже печного горшка?

Сторонников “искусства для искусства”, “чистого искусства” сейчас называют “искусствоведами” и “литературоведами”, и для них действительно “Аполлон Бельведерский” является абсолютно самодостаточной величиной и самоценным предметом для размышлений. А сторонников “искусства для жизни” сейчас называют “культурологами”, и вот для них-то интерес к “Аполлону Бельведерскому” отнюдь не отменяет интерес к “печному горшку”, ибо и то, и другое является разными иерархическими уровнями выражения одной и той же культуры. Более того, культурологи не брезгают “печными горшками”, ибо знают, что в некоторые периоды своего развития некоторые этносы делают такие “печные горшки”, что стилистика подобного делания (латинское “cultura” — обрабатывание, возделывание) как раз и позволяет в высшем своем развитии создать “Аполлона Бельведерского”.

Но один и тот же ученый — в зависимости от своих интересов и задач — **меняет методологии** в разных исследовательских работах. А может и **не менять**. Таким образом, есть ученые-литературоведы и ученые-культурологи, а могут быть — подобно Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову и Писареву — **и литературоведы, и культурологи в одном лице**. В этом случае какая-то часть наследия такого ученого, выполненная в одном методологическом ключе, принадлежит литературоведению, а другая часть этого наследия, использующая иную методологию, принадлежит культурологии. И никому сейчас в голову не придет отделять и противопоставлять взгляды, например, Чернышевского-культуролога и Чернышевского-литературоведа. Одно дополняет другое.

Подобное мы можем сказать и о Лихачеве. Из того, что многие его коллеги занимались только литературоведением, вовсе не следует, что сам Лихачев не мог заниматься и литературоведением (в одних своих работах), и культурологией (в других своих работах). Ничего невероятного (и тем более — ничего обидного ни для Лихачева, ни для его коллег — “чистых” литературоведов) в этом нет.

Лихачев в своей литературоведческо-культурологической “двуипостасности” был далеко не одинок среди современников. Можно назвать сразу несколько имен первой величины, но я упомяну только Юрия Михайловича Лотмана, сочетавшего в себе литературоведа и культуролога с еще большей, чем Лихачев, диалектической остротой. И действительно, если разработанную Лотманом литературоведческую методику структурализма (гениальную) применить в качестве оценочного критерия к его же “Беседам о русской культуре” (гениальным), то что-то одно в наследии Лотмана-ученого придется “вывести за рамки” в качестве “хобби”... Впрочем, может быть, ничего плохого в этом и нет? Великий дипломат Грибоедов ведь тоже имел “хобби” и прекрасный химик Бородин...

В торжественный год памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева мы чествуем великого литературоведа и великого культуролога. Мы преклоняемся перед универсальным гением этого человека.

¹ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд. СПбГУП, 2006. С. 283—284.